

Фунг ударил изо всех сил, отрубив руку своему последнему противнику. Зрители ахнули и зааплодировали, кровожадная толпа наслаждалась его выступлением, когда судья остановил матч, целители выбежали, чтобы спасти его противника. В дурном настроении он отошел к краю арены и встал рядом со своими товарищами по команде, кипя от гнева. Соревнование было фарсом, все сильнейшие соперники выбыли в предварительном матче, остались только отбросы и наглые дворяне. Он должен был поблагодарить за это Рейна и его товарищей, но не мог встретиться ни с кем из них на этом соревновании.

После встречи с карнугаторами Фунг переориентировал все свои силы на тренировки, стремясь набраться сил, впервые признав, что он действительно слишком слаб и не знает, как далеки небеса. Лягушка в колодце, считающая себя поразительной. Он всегда получал удовольствие от тренировок, но с 16 лет позволял себе потакать плотским удовольствиям, так как был сильнее сверстников того же возраста. После встречи с Рейном и другим Бекхаевцами, после беседы с его любопытным мыслящим другом о том, как по-настоящему стать сильным, Фунг больше не расслаблялся и начал отчаянно тренироваться. Он ранил себя снова и снова, чувствуя, что его раны срослись сильнее, чем раньше, страдая от боли и агонии, и все это ради того момента, чтобы он без смущения и страха мог встретиться с достойным бойцом.

Вместо этого его противник был изгнан жадностью Общества, и Фунг выплеснул свой гнев на бесполезных оставшихся конкурентов, отрубая конечности каждому конкуренту, с которым он сталкивался, к радости толпы и гневу Общества. Хм, эти ублюдки не заслуживали другого лица, и Фунг не станет им потворствовать, чего бы это ему не стоило.

"Вы слишком хмуритесь, Молодой Мастер Фунг." Он слышал сарказм в ее словах. Онг Цзин Фэй, прекрасная и ядовитая молодая леди, терроризировала его так же, как ее мать терроризировала его отца. Она улыбнулась и помахала ликующей толпе, аплодирующей и довольной своими новыми чемпионами. "Ты потеряешь свою красивую внешность, которой так гордишься. Почему ты не расхаживаешь, как павлин, не празднуешь нашу победу?" Она трепетала ресницами, желание придушить ее нарастало. Сучка знала почему, ей просто нравилось его подкалывать. "Мы - чемпионы этого конкурса, которые будут награждены богатством и честью. Ты должен быть счастлив. Это должно быть трудно, без твоего маленького Варвара, который бы праздновал с тобой. Тебе не так весело, когда его нет рядом." Она хлопала его по руке, и мурашки пробежали по его спине. Он ненавидел ее всем своим существом, и она знала это, все еще играя роль послушной будущей жены. Она наклонилась ближе и понизила голос. "Могут ли быть правдой слухи о том, что непревзойденный Плейбой Тонг да Фунг поддался удовольствиям другого человека? Жаль, что твой маленький варвар-петушок скоро умрет."

Фунг ударил ее кулаком по лицу. Толпа резко притихла, когда она упала на пол и растянулась на Земле, ее жалкий крик достиг сердца каждого наблюдателя. Он сразу же пожалел, что поддался своему гневу. Сука был актером, притворяется, что ей очень больно. Он мог бы бить ее изо всех сил в течение часа, и она вышла бы невредимой. Он почувствовал, как она отклонилась от его удара, бросилась на землю, играя роль несчастной девушки. Пройгнорировав ее выходки, Фунг подал знак Церемониймейстеру продолжать. Проклятое Общество, он плюнул на их честь, и когда он вернется домой, его развивающиеся фракции в Шэнь Хо будут растоптаны. Затем, как только он будет достаточно силен, он разведется с этой ужасной тварью, и изгонит ее из своего города. Дураки без морали и понятий - вот кем, они все были, и он не хотел бы держать подобных в своем доме.

Он мог только молиться Матери, чтобы Рейн и его семья все еще были живы и благополучно

добрались до дома, он проклинал собственную беспомощность.

Ему нужна была сила, и игры в войну не помогали.

Ситу Болин сидел неподвижно, в то время как целитель ухаживал за маленьким Старейшиной, его собственные раны жгли, когда он медленно лечил их. Такое унижение, быть раненым этими проклятыми щенками, так страдать от никчемных дикарей. У них была темная магия, позволяющая им контролировать таких свирепых зверей, как бинтуронги и их нечестивые двуногие скакуны. Он поймает проклятую ведьму, которая их защищает, и будет сдирать с нее кожу заживо, шаг за шагом, пока она не раскроет свои трюки. Чтобы осмелиться использовать такое зло, они, вероятно, были наполовину Осквернены, по отчетам было известно, что их деревня находится к северу от Шэнь Хо, пустынного и холодного места для жизни. Эта область была зоной смерти, территорией могущественного Предкового Зверя, и если не темная магия или жертвоприношения, как еще они могли там жить? Однако их нечестивая практика сделала этих Варваров сильными, и клан Ситу сильно недооценил своих противников.

В конце концов, они падут раньше, чем могущественный клан Ситу. Как бы ему ни было стыдно, он послал нескольких Старейшин преследовать рабыню. Ее не было видно, так что, скорее всего, она была с остальными, более слабыми членами их команды. Хотя Болин хотел, чтобы бойцы были живы, теперь он также хотел, чтобы все они были живы, чтобы он мог излить свое разочарование на семьи тех, кто его так раздражал. Это не закончится там, нет, он будет пытаться их, чтобы они выдали местоположение их деревушки в лесу от них, он возьмет своих воинов, навестит их деревню, и сотрет их с лица Земли, позволяя им исчезнуть во тьме. Только тогда его ярость утихнет, огонь в нем угаснет.

Маленький Старейшина стонал, когда его лечили, его раны были тяжелыми. Маленькая рогатая тварь растоптала его своим зверем, сломав ему кости, не убивая, а желая только покалечить мальчика. Столько злости, если бы только Болин мог шагнуть назад во времени и свернуть ей шею, когда только впервые увидел ее. Мальчик будет неделями лечиться, если они хотят сохранить его целым и сильным, не перенапрягая его тело. В такое время раздоров, не быть в состоянии отправить маленького Старейшину на битву, что позволило бы ему быть закаленным в бою, это было действительно позором клана Ситу, о чем будут говорить его сверстники в Обществе в течение многих последующих лет. Непростительно для них быть такими безжалостными, унижать их снова и снова. Лучше бы они убили его, чтобы Старейшина мог действовать сам, избавив мальчика от этого позора.

"Дядя." Маленький Гулонг заговорил сквозь боль, и Болин бросился к нему, чтобы услышать его слова. Его сердце разрывалось при виде его, лицо мальчика было разбито и опухло, не хватало большого участка кожи, уродливое зрелище. "Дядя, мне больно."

"Тише, маленький дракон, ты исцелишься, и боль пройдет. Ты достаточно силен, чтобы вынести это, не позорь имя Ситу. Дядя воспитывал тебя с рождения, и он не позволит этому оскорблению остаться без возмездия." Он пригладил волосы мальчика, стараясь не слишком давить на раны бедного ребенка. Целитель продолжал свою работу, но он был просто некомпетентным рабом, более искусные целители отправились с армией или же были в городе. Пройдут дни, прежде чем маленький старейшина сможет исцелиться достаточно, чтобы свободно передвигаться. Он послал гонцов, чтобы попросить одного из целителей них вернуться, но вряд ли Старейшина позволит своему единственному целителю покинуть его, особенно когда все его враги наблюдают за его слабостью. Результаты конкурса были катастрофическими для клана Ситу, одной из трех великих держав Общества, не одна из их

групп не смогла пройти предварительные испытания, теперь на лице каждого члена клана Ситу сияет черная метка. Стервятники кружили вокруг, чувствуя слабость, и Старейшина усердно трудился, не давая им выйти из под контроля.

Болин нуждался в помощи этих дикарей, он должен был показать их трупы Обществу, чтобы все знали, что клан Ситу по-прежнему силен и способен вести их на протяжении веков. Он использовал свои полномочия, чтобы приказать всем присутствующим старейшинам преследовать этих варваров под предводительством Хранителя Чилока. Если они потерпят неудачу, то Болину придется отвечать перед Обществом в целом, но эти варвары не ускользнут от стольких мастеров.

Сумила стояла как можно тише, готовая убежать при первых признаках опасности, наблюдая за движением членов клана сквозь деревья. Она уже имела дело с одной группой членов клана этой ночью, в то время как Альсансет привела Рейна, а остальные напали на лагерь. Теперь их уже преследовала вторая группа, гораздо раньше, чем они ожидали, менее часа отдыха. Сон присела рядом с ней, с тех пор как Сумила забрала цепь у Рейна, Сон все время молчаливо стояла рядом. Она почувствовала, как ее лицо разогрелось от воспоминаний о том, что она неправильно его поняла, какие ужасные мысли у нее были о нем. Она хотела помириться с ним, ее прежний гнев на него казался глупым, а ведь они так мило сидели вместе, когда наблюдали закат, романтическую атмосферу. Она потеряла голову, когда он упомянул Сон, обезумев от неуместной ревности к прекрасной молодой девушке. Хотя у Рейна были свои недостатки, в глубине души он был добрым человеком. Он казался таким взволнованным и неистовым, когда лечил ее рану, это вызвало улыбку на ее лице. Обычно он казался таким безразличным, но в тот момент казалось, что он действительно заботился о ней, работал быстро и мягко, обнимая ее, спасая ее жизнь.

Почти все, кого она встретила на конкурсе были намного хуже него, их можно было назвать тварями, снобами и гордецами. Почему все они называли ее варваром или дикаркой? Только потому, что она не была одета в шелка, или ее волосы не были тщательно уложены, или у нее не было лакированных ногтей, это было основанием для оскорбления ее? А хуже всего были призывы к изнасилованию и пыткам. Это они были дикарями, то, как они обращались с людьми. Они играли в эту охоту, неуважительно относились как к людям Милы, так и к своим собственным, послав этих слабаков. Члены внешнего сектора, которые еще не были по-настоящему приняты, неквалифицированные и жаждущие продвижения. Члены внутреннего сектора будут сидеть сложа руки и смеяться над неудачами других групп, ожидая, что все изменится, когда придет их очередь. Все они были дураками.

По крайней мере, Альсансет прольет их кровь сегодня, искалечит их, доведет их до бешенства. Общество узнает, что они имеют дело с настоящими воинами, а не с легкой добычей. С другой стороны, они уже поняли, что их нынешние преследователи двигаются гораздо более искусно и грациозно, чем те, кто преследовал их до этого, молчаливые призраки в ночи. Их по-прежнему было легко выследить, так как они предпочитали двигаться над лесом, их темные очертания были хорошо видны на фоне лунного света. Они могут быть воинами, они жили в городах, не имея надлежащих полевых навыков или навыков для горного преследования. Им также не хватало численности, на этот раз лишь горстка воинов. Возможно, придут другие, но их гордость снова погубит их.

Все уже зашло слишком далеко и вскоре перерастет в юридическую вражду, требующую вмешательства судьи. У мамы будет много головной боли из-за этого в будущем, но это была все вина Общества. Хотя, возможно, Сумила зашла слишком далеко в сореволюции, унизив

всех врагов до единого, но все они были так грязны. Она насытилась, слушая, как избалованные пижоны предлагают купить ее в дни, предшествующие конкурсу, она не могла пройтись даже по рынку, не услышав насмешки. Хуже всего было воспоминание о том, когда они были в парке с Мэй Лин. Они не смогли даже насладиться этим, к ним постоянно подходили слуги с требованиями и предложениями от своих хозяев собак. Это приводило в бешенство. Она понимала, почему мама не хочет, чтобы она путешествовала, особенно одна. Мир был ужасным местом, дикие звери и Оскверненные лишь малая часть этого мира.

"Госпожа, они приближаются. Ваши приказы?" шепот Сон вывел Милу из транса. Сон не изменит свое обращение к ней, сколько бы Мила ее ни просила. Сон неловко ехала на своем собственном квине, все еще подпрыгивая на своем месте, слишком привыкшая к лошадям. Русеквины не сотрясали своих всадников, как те травоядные, костлявые травоядные, но привычка укоренилась в ней.

Мила поскакала на Канкине, производя достаточно шума, чтобы преследователи заметили их, но недостаточно, чтобы быть полностью увиденными. Это было утомительно, быть достаточно неумелым, чтобы их могли отследить, но не переборщить, чтобы не стать подозрительными, навык, которому научила ее мама. "Пусть враг считает себя умным, а не глупым". Темнота горного леса скрыла ее от их взгляда, но звуки, которые она нарочно издавала, выдавали ее местоположение, легкий звон ее сбруи, прерывистое дыхание, легкий удар о камень - все это делалось, чтобы привести их к месту сражения. Без этих осторожных намеков и темпа она потеряет их в лесу и не сможет направить этих идиотов к остальным.

Их преследователи догнали их быстрее, чем кто-либо до них, звуки ткани хлестали по воздуху, они следовали, отказываясь от "скрытности", чтобы увеличить скорость. Скорее всего, Старейшины общества - должность, заработанная мастерством и служением, как и члены Железного Знамени. Лучшие воины, хотя даже между собой, их навыки различались. Те, кто гнались за ними сейчас не могли быть среди самых талантливых, ибо истинное мастерство приводит к большой гордости, и что гордость истинного воина позволила бы преследовать и убивать детей, или быть телохранителем группы пижонов, которые устроили охоту для развлечения? Нет, их могли преследовать только твари, отбросы Общества, собачки Общества, и она будет очень рада увидеть их мертвыми. Общество хотело убить молодое поколение и разрушить будущее Общества, но это, скорее всего, обрушит на них суровое имперское правосудие. Император защищал молодых, считая их "будущим империи". Старейшины знали это.

Мила ускорила шаг, Канкин легко обогнал другого квина, несмотря на преклонный возраст. У Милы были приятные воспоминания о Канкине, как в детстве он носил ее на руках, как она дремала с ним теплыми вечерами, училась ездить верхом на широкой спине. Теперь она могла добавить воспоминания о битве с ним, о своем первом настоящем военном противостоянии. Хотя Канкин не был таким теплым и дружелюбным, как другие квины, он все еще был ее старым спутником, надежным другом.

Послышался пронзительный свист, и Канкин увернулся, даже не нуждаясь в подсказке, прыгнув в сторону с горы, и его безошибочные острые когти пронзили легкую добычу. Квин Сон был не так хорошо обучен, один из тех, кто тащил повозку Тадука, но все же достаточно проворен, чтобы избежать атак. Канкин раздраженно фыркнул и двинулся вперед, утомленный днями преследования, жаждущий вонзить клыки в плоть. Рейн слишком хорошо кормил его человеческим мясом, а Канкин слишком усердствовал в охоте. Она успокаивающе хлопала его по плечам, подталкивая вперед, не давая ему развернуться к преследователям. Точка назначения была впереди, поляна в лесу с пещерой, которая выглядела способной вместить всех их людей. Направив его в пещеру, она проехала небольшое расстояние, прежде чем

спрыгнуть, укрывшись за валуном, она выпустила стрелы в сторону входа. Сон стояла рядом и стреляла, а квины уселись рядом, готовые убить любого, кто приблизится.

Их преследователи остановились у входа, не желая рисковать входить в темную пещеру, в конце концов, они начали опасаться, увидев стрелы. Она знала, что они будут разговаривать друг с другом, безмолвно споря между собой, и никто не захочет умереть за другого. Не так просто, следить за ловушками, блокируя стрелы. Улыбаясь про себя, она ждала с луком в руке, выпуская стрелы в пустой вход в спокойном, упорядоченном порядке с Сон, позволяя им привыкнуть к звуку выстрела. Они уже шагнули в ловушку, их смерть приближалась, и все еще они колебались и спорили перед входом в пещеру. Дураки.

Послышался пронзительный крик, за которым последовало еще больше шума, звуки стрел, сыпавшихся на противников, преследователи пытались войти не вооружившись. Она могла слышать движения бойцов, четкие и ясные, сила каждого действия была очевидна из звука, пронзающего воздух, когда они двигались, но этого было недостаточно. Стоя на месте, они ничего не могли сделать, кроме как умереть. Она ничего не видела во мраке, только ощущение движущихся теней, когда ожесточенная битва бушевала в почти полной тишине, спецы падали, как перезрелые яблоки. Вскоре, остался только звук булькающей крови и падающих тел, прежде чем тишина снова поглотила ночь.

Мила терпеливо ждала, держа стрелы наготове, пока не услышала шепот. Она зажгла факел и вынесла его ко входу в пещеру, освещая арену. Трое старейшин были мертвы, убитые стрелами, страшная смерть для воина, но эти отбросы не заслуживали чести. Она изучала их лица, пытаясь сопоставить их с кланом или сектой, но в голове не было воспоминаний о них. С ними боролось не Общество в целом, а несколько фракций, действующих в собственных интересах, и каждая из них послала безымянных, безликих воинов. Если бы они были пойманы за убийством граждан с хорошей репутацией, это нанесло бы тяжелый удар по их репутации, и общество столкнулось бы с имперской справедливостью.

Один все еще был жив, хрипел и задыхался, медленно истекая кровью. Альсансет прибыла первая, остальные медленно спускались. Рейн присел на корточки, чтобы посмотреть в глаза одному из умирающих, его пугающая привычка. Зачем так пристально смотреть на мертвого? Рейн положил конец страданиям этого человека, милосердие, которое этот никчемный мусор не заслуживал, смерть от клинка настоящего воина.

Она присела на корточки и обыскала каждое тело, вознагражденная двумя деревянными жетонами, в форме стрелы, с вырезанными руническими символами, запятнанными кровью. Кровь Сон. Сжигая их своим факелом, Мила молилась, чтобы это были единственные. Будем надеяться, что у Общества больше не было средств отслеживать их, и они могли затеряться в толпе гражданских лиц в Фэн Хуане, пока они прятали русеквинов. Она наконец-то увидела возможность конца погони, путь к выживанию. Она подняла копье, тяжелое оружие, богато вырезанное, принадлежащее одному из мертвых. Рейн жаловался на отсутствие более длинного оружия, хотя с мечом у него все было в порядке.

Мила поморщилась из-за травм Янь и Хуу, оба выглядели, как мумии. Дождь был не намного лучше, мрачный и изможденный, его доспехи были давно разрушены, одетый в кровавые лохмотья, каким он был всегда после битвы. Его глаза были запавшими, мышцы увядшими, недостаток пищи и перенапряжение тела дорого ему обходились. Все они нуждались в отдыхе и пище, но вряд ли скоро их найдут. Несмотря на очевидное истощение, Рейн выглядел... жаждущим новых сражений. Это было тревожно, не азартное желание бросить вызов, а фаталистическое желание покончить с этим. Либо убить всех своих врагов, либо быть убитым.

Как только он перестал в себе сомневаться, он стал грозным противником. Он сражался почти безрассудно, приближаясь без страха, каждый его удар грозил убить, он был готов обменять тяжелое ранение на смертельный удар, на что не хватало решимости у многих воинов. Даже найти воина, готового обменять свою жизнь на жизнь противника, было бы трудно, как они могли быть готовы отдать свою жизнь, чтобы нанести простую травму?

Слушая отчет Алсантсет о сложившейся ситуации, она улыбнулась, видя как Рейн изучал его новое копьё и молча похвалил ее. Их положение было ужасным, но неважно. Общество уже дорого заплатило за суровый урок. К Народу нельзя было относиться так легкомысленно, и даже если Мила упадет здесь, Мама прорвется через их ворота и сожжет Землю. Эта мысль согревала ее, когда они ехали в темноте вперед, к другому дню, к новой битве.

Они ехали меньше 15 минут, когда в темноте раздался голос. “По императорскому приказу Народные соплеменники должны предстать перед в Юстиции. Дайте о себе знать в течение часа, и вы останетесь живы.”

Мила почувствовала, как страх охватил все тело, и ее чуть не вырвало. В Юстицию. Это означало, что это была уже не частная битва, а публичная вражда перед имперским правосудием. Без защиты мамы они были просто гражданскими лицами в глазах закона, обреченными на казнь за убийство членов Общества. Слезы навернулись на глаза, она отчаялась. Вся их тяжелая работа, отчаянная попытка сбежать, все это было напрасно.

Они не могли убежать от имперского правосудия, ибо это привело бы к истреблению Народа. Они могли только принять свою судьбу и молиться, чтобы мама отомстила за них.

Ситу Чилок бежал из засады, стрелы вонзались в его плоть, мешая его движениям, он спотыкался о склон горы. Все пошло наперекосяк, пятеро человек так легко попали в ловушку, и все они были идиотами. Эти никчемные старейшины были бесполезны. Он проклял своего слабоумного сына Чиана, и этот идиот патриарха Гулон. Эти дети навлекли на них беду. Ему нужно было вернуться, предупредить клан. Если бы они были предупреждены, то могли бы подготовиться и сражаться как подобает. У клана Ситу все еще были достаточно сил, им нужно было только знать о необходимости.

Он торопился так быстро, как только мог, падал так же быстро, как шел, плакал, зная, что смерть уже пришла за ним, но все еще боролся. Он был старейшиной клана Ситу, стражем, он не мог умереть напрасно. Услышав, как его противник прибыл, в воздухе раздался звук ткани, Чилок повернулся лицом к врагу. Если он умрет сегодня, то, по крайней мере, умрет в бою. Прыгнув на своего противника с оружием в руках, он умер задолго до того, как смог приблизиться, так и не увидев убийцу.